

УДК 392.65(571.5/.6)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.39.28>

Проституция как инструмент решения социальных проблем Восточной Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в.

Р. А. Евтехов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Т. В. Паликова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Исследована проблема организации проституции, рассмотрен конкретный исторический сюжет – попытка сибирской бюрократии решить социальные проблемы региона посредством покупки продажных женщин. Проституция, один из феноменов повседневной жизни общества с древнейших времен, в данном контексте представлена как способ реализации естественных потребностей не только интимного, но и социально-экономического характера. Раскрыты условия организации проституции на восточных окраинах Российской империи и попыток ее использования в качестве инструмента решения социальных проблем. Основным источником исследования послужили не публиковавшиеся ранее архивные материалы, содержащиеся в региональных и федеральных архивах, представляющие собой переписку высшего сибирского чиновничества. Представлена краткая историография проблемы, отражающая основные концептуальные направления в исследовании вопросов интимной жизни общества XIX в. Приведены некоторые данные о практикующих проститутках иностранного происхождения. Рассмотрены типичные сюжеты, характеризующие существование проституции на территории КВЖД.

Ключевые слова: проституция, геополитика, социальные проблемы, одиночество, бордель, дома терпимости, частная жизнь, повседневность.

Для цитирования: Евтехов Р. А., Паликова Т. В. Проституция как инструмент решения социальных проблем Восточной Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 39. С. 28–39. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.39.28>

Введение. Важнейшей социальной проблемой общества во все времена является одиночество. В демографическом отношении одиночество опасно не только сокращением численности работоспособного молодого поколения, но и усугублением проблем, связанных с уходом за нетрудоспособным, пожилым населением. В случае отсутствия семьи и детей уход за людьми, потерявшими возможность самостоятельного обеспечения, в полной мере возлагается на государство. В истории России такая проблема крайне остро ощущалась в период освоения русскими бескрайних сибирских территорий. Челобитная забайкальских казаков XVII в., обращенная к государю «...а без жёночек, нам быти никак не мочно...» [9, с. 27], наглядно характеризует

«женскую» проблему в суровом мужском обществе сибирских военных. Архивные материалы свидетельствуют о том, что эта тема оставалась актуальной вплоть до начала XX в.

Одиночество и невозможность завести семью – важная проблема, которая в определенной мере решалась с помощью «коммерческой любви». Проституция как вариант социально-экономических отношений с древнейших времен выступала неотъемлемой частью повседневной жизни общества. На заре веков это явление было вполне приемлемым, о чем свидетельствуют факты существования храмовой и гражданской ее вариаций [14, с. 32–33]. Сегодня проституция стандартно включена в перечень форм девиантного поведения наряду с алкоголизмом, наркоманией, преступностью, суицидом и до сих пор не декриминализована. Общество, самоустранившись от решения этой проблемы, продолжая закрывать на нее глаза, консервирует тем самым потенциально опасные формы ее теневого существования, принимая данную сферу жизни как сугубо аморальную.

Источники и историография. Источниковую базу исследования составили преимущественно ранее не публиковавшиеся архивные материалы ГАИО (г. Иркутск) и ГАРФ (г. Москва). Среди документального массива были проработаны полицейские отчеты, документы врачебных комитетов, переписка окружных и городских полицейских управлений с губернской администрацией. Особого внимания заслуживают отдельно сформированные полицией дела с разнообразной документацией относительно состояния проституции в Забайкальском регионе за год и дела, приуроченные к определенным мероприятиям МВД или губернской администрации. Большой интерес представляет дело, состоящее на хранении в ГАИО № 10-160 «О необходимости в женщинах для Амура», материалы которого подчеркивают своеобразные способы поддержания геополитических устремлений русской власти на востоке с помощью проституции.

Вопросам изучения разных аспектов феномена проституции посвящено значительное число трудов как зарубежных, так и российских исследователей. Фундаментальные работы на эту тему изданы еще современниками, что свидетельствует о достаточно мощном общественном диспуте. Пласт зарубежной научной литературы по данной теме достаточно разнообразен. Значительный вклад в изучение данной проблемы в целом внесли такие авторы, как А. Парен-Дюжателе, М. Риане, А. Флекснер, Ц. Ломброзо и др. Последний, к примеру, выдвинул на первый план вопрос изучения антропологических характеристик проституции, которую он в целом считал преступным явлением. Современные исследования западных ученых, таких как Д. Пивара, Г. Миллер, Дж. Бриана, Л. Эльгенштейн, Б. Вуллоу и др., в большей степени склонны рассматривать проституцию в связке с политикой, экономикой и социально-культурной организацией общества. Такой подход позволяет интерпретировать явление проституции не как отдельное, а как системное явление, характеризующее общество в целом. Среди фундаментальных работ в данном направлении, где, в частности, рассматривается Россия, необходимо отметить книгу «Гомосексуальное влечение в революционной России» (2001) Дана

Хили, в которой большое внимание уделялось рассмотрению проблем существования проституции в России, в том числе ее однополюм аспектам.

Российская дореволюционная историография развивала данную тему в двух основных направлениях: как медико-санитарную проблему, потенциально опасную в том виде, в котором она существовала [13, с. 10; 25, с. 5], и морально-этическую, вредную в любом ее проявлении [18, с. 50]. Подход к рассмотрению проституции как занятия безнравственного, результата проявления развращенной натуры женщины (или мужчины) был достаточно популярен [11, с. 12–13]. Несмотря на это, дореволюционный период изучения проституции определяется некоторыми современными исследователями как «регламентационная терпимость» [5, с. 7], что связано с констатацией проституции как данности и попыткой найти условия ее существования с наименьшим вредом для общества.

Новые веяния, больше популистского характера, привнесены в 20–30-е гг. XX в. и связаны с определенным рода сексуальной свободой, эмансипацией женщин и представлениями о проституции как отжившем сегменте «старой» жизни. Но в советское время дискуссия на эту тему фактически не велась, в том числе и потому, что разговор об интимной жизни человека относился к разряду запретных. Проституция в этот период рассматривалась исключительно как проблема медицинской и правоохранительной природы.

Современная историография этой темы начиная с 90-х гг. XX в. весьма разнообразна [4, с. 58; 7, с. 30; 10, с. 74; 15, с. 10; 20, с. 1; 22, с. 556]. Предметом исследования стали медико-санитарные, повседневные, гендерные аспекты, а также нормативно-правовое регулирование и государственно-полицейский контроль проституции. Множество работ характеризуют региональную специфику этой деятельности [1, с. 36; 3, с. 166; 8, с. 46; 12, с. 99; 17, с. 3; 21, с. 101; 23, с. 110; 24, с. 158]. Заслуживающим внимания, на наш взгляд, является подход к рассмотрению продажи сексуальных услуг как закономерного результата развития социально-сервисной сферы [16, с. 38] на фоне интенсификации торгово-экономических связей и увеличения потоков миграции. Особенно актуален данный подход для восточных территорий, поздно интегрированных в инфраструктуру империи. В результате появления организованной проституции в забайкальских городах фактически совпало со становлением сферы услуг. Довольно популярным сегодня является подход к изучению проституции как закономерного этапа изменения общественно-экономической формации, следствием чего стала трансформация семейно-брачных отношений [2, с. 46; 19, с. 54].

Постановка проблемы. Рассматривая проституцию под разными углами зрения, исследователи редко обращают внимание на психофизиологические потребности человека, которые являются основой ее существования. Другое дело, что осознание этих потребностей проходит под воздействием ряда катализаторов, к числу которых относится и урбанизация, изменение окружения, повышение качества жизни и соответствующие им ментальные изменения. Именно эти изменения «запустили» рынок удовольствий, начавший активное развитие во второй половине XIX в. Период середины XIX –

начала XX в. является важнейшим с точки зрения трансформации сексуальных отношений русского общества. Это единственный большой период в российской истории, когда проституция была легализована и максимально контролировалась органами правопорядка. Общество, несмотря на всеобщую религиозность, не устранялось от этой проблемы, напротив, пыталось найти оптимальные схемы ее сосуществования с повседневностью.

Проституция в Российской империи фактически была легализована с 1843 г., но ограничена жесткими нормативами и порядком. В течение второй половины XIX – начала XX в. законодательство в этой сфере неоднократно изменялось. Для продажи сексуальных услуг в городах империи были распространены несколько форм организации: дом терпимости (притон, бордель), оказание услуг на своей (съемной) квартире, проституция при общественных и увеселительных заведениях (бильярдные, пивные, трактиры и т. д.). Первая форма организации, наиболее удобная для полицейского надзора, была достаточно регламентирована. Хозяйкой заведения могла быть только благонадежная женщина в зрелом возрасте, собравшая необходимый пакет документов. Согласно Положениям о содержании публичных домов она не только получала прибыль от бизнеса, но и следила за хозяйственным и санитарным порядком. На нее возлагалась ответственность за регулярность медицинского освидетельствования работниц, которое проводилось городскими врачами при содействии полиции. Несоблюдение правил и положений влекло за собой немедленное закрытие притона полицией.

Максимальные затруднения испытывала полиция при выявлении тайной проституции. Отслеживать «одиночек», нарушавших особый порядок своего ремесла, было существенно сложнее, что в целом и явилось причиной легализации проституции. Несмотря на узость социального поля городов [16, с. 39], занятие тайной проституцией было вполне возможным, чему в немалой степени способствовали особенности устройства и комплектования городской полиции, функции и задачи которой превалировали над кадровыми резервами. В то же время всегда оставалось место для коррупционных схем. «Невидимость проституции» для властей и полиции была характерна и для империи в целом. В «Очерке Забайкалья» К. Н. Василисина утверждает, что в начале 1870-х гг. чистотой нравов уже и отдаленные регионы похвалиться не могли. Считаю необходимым привести пространную цитату из него: «...хотя гласных проститутток очень мало, но в городах почти вся женская прислуга промышляет развратом, скрываясь от наблюдения полиции и делаясь таким образом гораздо опаснее. Гибельнее всего действуют на нравы и поощряют развитие проституции золотые промыслы; в бойкое время, т. е. в сентябре и октябре, когда рабочие выходят с приисков, проституцией занимается все женское население сборных пунктов и деревень, лежащих на пути золотопромышленников: мужья сводничают жен, отцы дочерей, и трудно поверить, не выдавши, до чего может дойти разврат в этих местах. Беспреданно проходящие на Амур и с Амура солдатские партии также не мало способствуют порче нравов» [6, с. 103].

Материалы. Иностранная проституция в Восточной Сибири в какой-то мере была предметом солидного геополитического проекта. В 1862–1866 гг.

русские чиновники обсуждали целесообразность фактической покупки более чем 500 китайских женщин «частным образом»¹ для размещения их в Амурском крае и выдачи замуж за одиноких ссыльных мужчин, в том числе китайского происхождения, оказавшихся в Сибири. Впервые эта мысль появилась в путевой канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири и объяснялась недостатком как публичных, так и вообще женщин в Амурско-Уссурийском крае. По примеру Калифорнии, которую в первое время заселяли преимущественно золотоискатели, молодые и холостые мужчины, восточные регионы Российской империи заселялись ссыльными, как правило, одинокими мужчинами. Для калифорнийских публичных домов китайок поставляли большей частью торговыми капиталами из китайских приморских городов с согласия самих переселяемых женщин. Этому примеру предлагалось последовать и при заселении Амурского региона, правда, с оговорками на исключительно частные договоренности с китайской стороной, без официальных соглашений.

Основной контингент Восточной Сибири и Дальнего Востока, нуждающийся в женском внимании, был представлен военными, за их передвижением пристально следили предприимчивые владельцы борделей и специально располагали свои заведения максимально близко к воинским казармам. Второй большой группой были ссыльные, которые получили возможность поселиться на территории региона и обзавестись своим хозяйством. Однако ведение в то время собственного хозяйства без женщины фактически не представлялось возможным. Военный губернатор Приморской области в 1864 г. сообщал², что отсутствие женщин в регионе и их крайняя важность для крестьянского хозяйства так чувствительны, что многие крестьяне просят разрешения жениться даже на тех женщинах, которые в силу возраста уже не могут стать матерями.

В результате сложившихся обстоятельств было запрошено мнение русской дипломатической миссии в Пекине, которая, в целом одобрив идею покупки китайских женщин, сообщила об опасности влияния Китая на территории их будущего расселения через своих подданных. Примерами служили заселенные территории Америки, Австралии и Сингапура, в которых уже отмечались некоторые столкновения переселенных китайцев с местным населением (в основном в экономической сфере), вызванные большой предпринимательской активностью китайцев. Эти предложения вселили крайнее беспокойство в военного губернатора Приморской области: «Если посреди такого энергического населения как англо-саксонская раса, китайский элемент становится опасным и стесняет деятельность народа, то, что ожидать при нашем рассеянном населении, стоящим на низкой ступени образования, а главное при близком соседстве самого Китая?»

Проблема одиночества осознавалась русской бюрократией как вполне утилитарная проблема: «Даже ссыльно-поселенные уже в деревнях и занимающиеся хозяйством постоянно жалуются, что недостаток в доме хозяйки ме-

¹ ГАИО Ф. 24. Оп. 10. Д. 160. Л. 1–20.

² Там же. Л. 10–12.

шает им заняться полевыми работами, что некому приготовить им пищи, некому присмотреть за домашним скотом, птицей и проч. Этот недостаток в женщинах для русского населения так чувствителен даже между крестьянами, что многие из них просят разрешить жениться на таких ссыльных женщинах, которые по возрасту не могут быть матерями».

Серьезность проблемы одиноких мужчин Сибири генерал-губернатором ничуть не принижалась, по его мнению, обстоятельство это «заслуживает полного внимания и скорой помощи потому, что недостаток женщин и подобное положение новых поселенцев имеет пагубное влияние не только на нравственность населения, но и на экономический быт; особенно пагубные последствия могут оказаться в непродолжительном будущем, когда эта масса поселенцев бессемейных одряхлеет, потеряет силы трудиться, не имея дома, семейства, детей которые могли бы в старости служить опорой и в то же время служить побуждением стремиться к благосостоянию, вся эта масса бессемейных потребует общественного призрения и все расходы и жертвования правительства к усилению населения в Приморской области пропадут даром»³.

Часть участников дискуссии предлагала отказаться от опасной в политическом плане затеи покупки китайских женщин и остановиться на высылке в регион проституток из западных регионов России. Но, как выразился один из оппонентов, «по столбовой дороге трава не растет», и женщины легкого поведения, пробывшие в профессии определенное время, не способны стать полноценными спутницами ссыльнопоселенцам, а «те же из них, которые согласились бы на подобную эмиграцию, вероятно, так пропитаны венерою, так истерты, что они даже не в состоянии долго исполнять второстепенное значение женщины». В конечном итоге решено было перенаправлять ссыльных поселенков, преступниц, стремящихся к переселению сирот, вдов и воспитанниц детских приютов из Западной и Восточной Сибири в Приморскую область. Первым «взносом» стали 29 ожидающих распределения ссыльных женщин, находившихся в г. Иркутске.

Не только Дальний Восток ощущал острую «женскую проблему». Специфичной являлась ситуация на территории КВЖД, где основной массой населения были военные, инженеры и рабочие – преимущественно молодые и среднего возраста мужчины. Очевидная всем потребность в общении их с женщинами притягивала значительное число сутенеров и проституток-одиночек, у которых часто были высокие покровители. Пособничество организованной и тайной проституции являлось нередким обвинением в адрес высших чинов полиции. Согласно представлению начальника сыскного отделения Харбинской полиции от 27 сентября 1906 г. фон Циглера⁴, местная полиция покровительствовала, естественно, за взятки «котам» (сутенерам) и покрывала существование тайных притонов и игорных домов. За местной полицией настолько закрепился имидж пособников теневого бизнеса развлечений, что бывший начальник сыскного отделения Харбинской полиции штабс-ка-

³ ГАИО Ф. 24. Оп. 10. Д. 160. Л. 10–12.

⁴ ГАРФ Ф. 102. Оп. 105. Д. 252. Л. 2–5.

питан Иван фон Кюгельген, переведенный помощником одесского полицмейстера по сыскной части⁵, обвинялся местными журналистами в вымогательстве у содержателей одесских притонов ежегодной взятки в размере 86 тыс. руб. с припоминанием и всех прочих грехов.

Крайне интересен в этом смысле случай выписки инженерами КВЖД в 1901 г. проституток через посредничество харбинского полицмейстера. Некий мещанин П. Беляев получил от полиции удостоверение на «беспрепятственный провоз из г. Иркутска до г. Харбина» 15 проституток⁶. Означенный мещанин обходил дома терпимости и, «убеждая невероятными по выгодности обещаниями», склонял женщин к поездке, вследствие чего был задержан. Более того, военный губернатор Забайкальской области счел, что, выдав подобный документ, харбинский полицмейстер превысил свои полномочия.

Внимание организаторов рынка удовольствий привлекали не только территории КВЖД, они стремились освоить новые регионы, проникая в иноэтническую среду, где подданные Российской империи сами становились экзотическим товаром или востребовались русским населением, проживавшем за рубежом, с той только разницей, что для русских подданных приоритетными были экономические интересы. Четвертый политический отдел МИД Российской империи неоднократно высылал лиц, уличенных в занятии проституцией не только на территории КВЖД, но и в самом Пекине. Так, сообщением от 8 августа 1914 г. из пределов Китая в распоряжение пограничных русских властей были депортированы крестьянки Енисейской и Минской губерний и мещанки городов Нерчинска и Оренбурга⁷, а сообщением от 22 февраля 1916 г. – крестьянки Томской и Уфинской губерний, мещанки г. Барнаула и их сутенер мещанин г. Одессы еврейского происхождения⁸. Такие сообщения появлялись стабильно несколько раз в год.

Заключение. Безусловно, легализация проституции позволила установить контроль за большей частью сферы интимного бизнеса, но продолжала сохраняться и теневая его часть, нередко покрываемая статусными людьми из управленческого аппарата. При этом вопрос одиночества и крайней недостаточности женщин в Восточной Сибири и еще более на Дальнем Востоке вынуждал русскую администрацию находить крайне оригинальные способы его решения. Нельзя назвать проект покупки китайских женщин только циничным расчетом, хотя, конечно же, это пример работорговли, но это и отражение глубокой социальной проблемы, решение которой на тот момент не представлялось иным. Все участники дискуссии осознавали, что реально проституция решить эту проблему в полной мере не может, но будет некой смягчающей мерой. В то же время угроза геополитического усиления влияния крепкого и энергичного соседа – Китая на регионы империи стала решающим и, очевидно, важнейшим аргументом против. Проституция, как явная, так и теневая, продолжала играть важную социальную роль в регионах с превалированием мужского населения на протяжении XIX – начала XX в.

⁵ ГАРФ Ф. 102. Оп. 108. Д. 290. Л. 73

⁶ ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 4046. Л. 2, 6–6 об

⁷ ГАРФ Ф. 102. Оп. 71. Д. 5449. Л. 5

⁸ Там же. Оп. 74. Д. 644. Л. 1

Список литературы

1. *Агапов В. Л.* Полицейские, проститутки и газетчики: служебные будни Никольск-Уссурийской полиции накануне первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 36–53.
2. *Безгин В. Б.* Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века) // Белые пятна Российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 32–47.
3. *Боднарук Р. В., Давыдов Р. А.* Проституция и содержание притонов в Архангельской губернии. 2-я половина XIX – начало XX в. // Экология человека. 1995. № 2 (2). С. 166–167.
4. *Бондарская Г. А.* Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4. С. 58–70.
5. *Быкова А. Г.* Социальная аномалия в истории больших городов Западной Сибири в 1880-е – 1914 гг. Омск : НОУ ВПО Омский юридический институт, 2004. 96 с.
6. *Василисин К. Н.* Очерк Забайкалья // Памятная книжка Забайкальской области на 1871 год (издание областного статистического комитета). Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1871. 156 с.
7. *Голосенко И. А.* Русская дореволюционная социология о феномене проституции // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10-11. С. 30–41.
8. *Дмитриенко Н. М.* Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920–1930-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 46–70.
9. *Евдокимова С. В.* Очерки истории городов Забайкалья 17-18 вв. Улан-Удэ : Общественно-научный центр Сибирь, 1993. 68 с.
10. *Зюбан М. Н.* Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия 1917 г. // Ученые записки. 2008. № 2. С. 74–77.
11. *Канкарович И. И.* Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1907. 199 с.
12. *Кискидосова Т. А.* «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 99–105.
13. *Кузнецов М. Г.* Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1871. 69 с.
14. *Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина преступница и проститутка. Ставрополь : Изд-во А. А. Торбы, 1991. 223 с.
15. *Мартыненко Н. К.* Регламентация проституции в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2010. 254 с.
16. *Паликова Т. В.* «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.
17. *Петров А. С.* Законодательство Российской империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907–1917 гг. // Вестник ЗабГУ. 2012. № 10. С. 3–11.
18. *Приклонский И. И.* Проституция и ее организация: исторический очерк. М. : Изд-во А. Карцева, 1903. 108 с.
19. *Пушкарева Н. Л., Мухина З. З.* Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. № 3 (20). С. 43–55.
20. *Романова Н. П., Дробышевский В. С.* Одиночество: введение в проблему. М. : Моск. пед. ун-т., 2003. 323 с.
21. *Синиченко В. В.* Противодействие Российских имперских властей японской разведке на дальневосточных рубежах в начале XX века // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 4 (67). С. 101–109.

22. Сифилис в Русской армии (с XVIII по начало XX столетия) / А. И. Завьялов, С. Р. Утц, А. В. Моррисон, А. Е. Гайдаров // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. № 3. С. 556–561.
23. *Сунгуров П. А.* Проституция в Сибирских губерниях (конец XIX – начало XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 110–111.
24. *Татарникова А. И.* «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (73). С. 158–162.
25. *Шаиков С. С.* Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1872. 590 с.

Prostitution as a Tool for Solving Social Problems of Eastern Siberia and the East of the Second Half of the 19th – Early 20th Century

R. A. Evtekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

T. V. Palikova

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article examines the problem of organizing prostitution and the specific historical plot of the attempt of the Siberian bureaucracy to solve the social problems of the region by means of buying corrupt women. Prostitution, one of the phenomena of everyday life of society since ancient times, in this context is considered as a way of realizing the natural needs of not only an intimate, but also socio-economic nature. The purpose of the work is to disclose the conditions and nature of the organization of prostitution in the eastern outskirts of the Russian empire and attempts to use it as a tool to solve social problems. The research methodology is based on the principles of historicity, objectivity, as well as on micro-historical and problem-chronological research methods. The main source of research was archival materials not previously published contained in regional and federal archives, which are correspondence between the highest Siberian officials. The paper presents a brief historiography of the problem, containing the main conceptual directions in the study of issues of the intimate life of society in the 19th century. The state played the main role in the regulation of prostitution in the Russian Empire, and the police authorities, which controlled the organization and organization of brothels, and the medical examination of prostitutes and their movement, played the oversight. The article provides some data on practicing prostitutes of foreign origin. This aspect is quite interesting, as it was used to solve certain geopolitical problems both by the authorities of the Russian Empire and by states competing with it. The paper also considers some typical plots characterizing the existence of prostitution on the territory of the CER, which is currently poorly studied. In conclusion, it is concluded that the issue of loneliness and extreme insufficiency of women in Eastern Siberia and even more in the Far East forced the Russian administration to find extremely original ways to solve it. At the same time, the threat of geopolitical strengthening of a strong and energetic neighbor – China, to the regions of the empire, became a decisive and obviously most important argument against it.

Keywords: prostitution, geopolitics, social problems, loneliness, brothel, houses of tolerance, private life, everyday life.

For citation: Evtekhov R. A., Palikova T. V. Prostitution as a Tool for Solving Social Problems of Eastern Siberia and the East of the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 39, pp. 28-39. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.39.28> (in Russian)

References

1. Agapov V.L. Politseiskie, prostitutki i gazetchiki: sluzhebnye budni Nikol'sk-Ussuriiskoi politsii nakanune pervoi mirovoi voiny [Police officers, prostitutes and newspaper men: official everyday life of the Nikolsk-Ussuri police on the eve of the First World War]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], 2016, no. 1 (47), pp. 36-53. (in Russian)
2. Bezgin V.B. Deviantnost' v intimnoi zhizni russkikh krest'yan (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Deviance in the intimate life of Russian peasants (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Belye pyatna Rossiiskoi i mirovoi istorii* [White spots in Russian and world history], 2011, no. 1, pp. 32-47. (in Russian)
3. Bodnaruk R.V., Davydov R.A. Prostitutsiya i sodержanie pritonov v Arkhangel'skoi gubernii. 2-ya polovina XIX – nachalo XX vv. [Prostitution and the maintenance of dens in the Arkhangelsk province. 2nd half of 19th – beginning of 20th centuries]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 1995, no. 2 (2), pp. 166-167. (in Russian)
4. Bondarskaya G.A. Izmenenie demograficheskogo povedeniya rossiiskikh semei za 100 let [Change in the demographic behavior of Russian families over 100 years]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 1999, no. 4, pp. 58-70. (in Russian)
5. Bykova A.G. *Sotsialnaya anomalija v istorii bolshikh gorodov Zapadnoi Sibiri 1880-e – 1914 gg.* [Social anomaly in the history of large cities of Western Siberia 1880s – 1914]. Omsk, Omskii yuridicheskii institute Publ., 2004, 96 p. (in Russian)
6. Vasilisin K.N. *Oчерk Zabaikaliya* [Essay on Transbaikalia]. Irkutsk, N.N. Sinitsyna Publ., 1871, 156 p. (in Russian)
7. Golosenko I.A. Russkaya dorevoljucionnaya sotsiologiya o fenomene prostitutsii [Russian pre-revolutionary sociology about the phenomenon of prostitution]. *Rubezh (almanakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Frontier (almanac of social studies)], 1997, no. 10-11, pp. 30-41. (in Russian)
8. Dmitrienko N.M. Tomskie zhenshchiny-krestiyanki v usloviyakh sotsialnykh peremen (1920-1930-e gg.) [Tomsk peasant women in conditions of social change (1920-1930s)]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2014, no. 3, pp. 46-70. (in Russian)
9. Evdokimova S.V. *Oчерki istorii gorodov Zabaikaliya 17-18 vv.* [Essays on the history of the cities of Transbaikalia 17-18 centuries]. Ulan-Ude, Obschestvenno-nauchnyi tsentr Sibir' Publ., 1993, 68 p. (in Russian)
10. Zyuban M.N. Gosudarstvennaya reglamentatsiya zanyatii prostitutsiei v Rossiiskoi imperii: seredina XIX stoletiya 1917 g. [State regulation of prostitution in the Russian Empire: mid – 19th century 1917]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2008, no. 2, pp.74-77. (in Russian)
11. Kankarovich I.I. *Prostitutsiya i obshchestvennyi razvrat. K istorii nraov nashego vremeni* [Prostitution and public debauchery. To the history of manners of our time]. Saint Petersburg, V. Bezobrazova Publ., 1907, 199 p. (in Russian)
12. Kiskidosova T.A. “Zhriцы lyubvi” v gorodakh Eniseiskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [“Priestesses of love” in the cities of the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology], 2003, no. 8, pp. 99-105. (in Russian)
13. Kuznetsov M.G. *Prostitutsiya i sifilis v Rossii. Istoriko-statisticheskie issledovaniya* [Prostitution and syphilis in Russia. Historical and statistical research]. Saint Petersburg, V.S. Balasheva Publ., 1871, 69 p. (in Russian)

14. Lombrozo Ch., Ferrero G. *Zhenshchina prestupnitsa i prostitutka* [Woman criminal and prostitute]. Stavropol, A.A. Torby Publ., 1991, 223 p. (in Russian)

15. Martynenko N.K. *Reglamentatsiya prostitutsii v Rossii (vtoraya polovina XIX-nachalo XX v.)* [Regulation of prostitution in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Voronezh, Voronezhskii gos. ped. un-t Publ., 2010, 264 p. (in Russian)

16. Palikova T.V. “Torgovlya pozorom”, ili “zavedeniya naslazhdeniya”: doma terpimosti v sotsial'no-servisnoi sfere gorodov Zabaikal'ya v nachale XX v. [“Trade in shame”, or “pleasure establishments”: houses of tolerance in the social and service sphere of the cities of Transbaikalia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN University. Series History of Russia], 2009, no. 2, pp. 38-52. (in Russian)

17. Petrov A.S. *Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii v sfere prostitutsii i reglamentatsionnye pravila etoi deyatel'nosti v Chite v period 1907-1917 gg.* [Legislation of the Russian Empire in the field of prostitution and the regulatory rules of this activity in Chita in the period 1907-1917]. *Vestnik ZabGU* [Bulletin of the Transbaikalian State University], 2012, no. 10, pp. 3-11. (in Russian)

18. Prikloonskii I.I. *Prostitutsiya i ee organizatsiya: istoricheskii ocherk* [Prostitution and its organization: historical outline]. Moscow, A. Kartseva Publ., 1903, 108 p. (in Russian)

19. Pushkareva N.L., Mukhina Z.Z. *Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoi russkoi seksual'noi kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka)* [Woman and female in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. Series History], 2012, no. 3 (20), pp. 43-55. (in Russian)

20. Romanova N.P., Drobyshevskii N.P. *Odinochestvo: vvedenie v problemu* [Loneliness: introduction to the problem]. Moscow, Mosk. ped. un-t Publ., 2003, 323 p. (in Russian)

21. Sinichenko V.V. *Protivodeistvie Rossiiskikh imperskikh vlastei yaponskoi razvedke na dal'nevostochnykh rubezhakh v nachale XX veka* [Opposition of the Russian imperial authorities to Japanese intelligence at the Far Eastern borders at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 4 (67), pp. 101-109. (in Russian)

22. Zav'yalov A.I., Utts S.R., Morrison, A.V., Gaidarov A.E. *Sifilis v Russkoi armii (s XVIII po nachalo XX stoletiya)* [Syphilis in the Russian army (from the 18th to the beginning of the 20th century)]. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Saratov Scientific Medical Journal], 2013, no. 3, pp. 556-561. (in Russian)

23. Sungurov P.A. *Prostitutsiya v Sibirskikh guberniyakh (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Prostitution in the Siberian provinces (late XIX – early XX centuries)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 6, pp. 110-111. (in Russian)

24. Tatarnikova A.I. “Prodazhnaya lyubov” kak yavlenie povsednevnoi zhizni gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [“Selling Love” as a phenomenon of everyday life in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2016, no. 11-1 (73), pp. 158-162. (in Russian)

25. Shashkov S.S. *Istoricheskie sudby zhenshchiny, detoubiistvo i prostitutsiya* [The historical fate of women, infanticide and prostitution]. Saint Petersburg, F.S. Sushchinskogo Publ., 1872, 590 p. (in Russian)

Евтехов Роман Артурович

кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра истории и теории политики

Evtekhov Roman Arturovich

Candidate of Sciences (History),
Researcher, Department of History and
Theory of Politics
Lomonosov Moscow State University

*Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, ул. Ленинские
горы, 1
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru*

*1, Leninskiye Gory st., Moscow, 119991,
Russian Federation
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru*

Паликова Татьяна Вадимовна
*доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей и отечественной
истории
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина,
24а
e-mail: palikova@mail.ru*

Palikova Tatyana Vadimovna
*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of General and National
History
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000,
Russian Federation
e-mail: palikova@mail.ru*